

«СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» С. А. СОБОЛЕВСКОГО ПО ИТАЛИИ

ЕКАТЕРИНА ЛАРИОНОВА

В статье на материале ряда не публиковавшихся ранее прозаических и стихотворных текстов С. А. Соболевского (1803–1870) прослежена история одного его литературного замысла — путевых записок об Италии.

Ключевые слова: С. А. Соболевский, литература путешествий, русская поэзия, нарративные модели.

Ekaterina Larionova. S. A. Sobolevsky's "Sentimental Journey" through Italy

This article, on the basis of a number of previously unpublished prosaic and poetic texts by Sergei Sobolevsky (1803–1870), traces the history of one of his literary concepts — travel memoirs about Italy.

Keywords: Sergei Sobolevsky, travel literature, Russian poetry, narrative models.

В октябре 1828 г. Сергей Александрович Соболевский, взяв отпуск в Московском архиве Коллегии иностранных дел, где он скорее числился, чем реально служил, уехал в свое первое европейское путешествие. Почти весь 1829 г. он провел в Италии, с 25 ноября 1829 по 10 апреля 1830 г. жил в Париже, затем посетил Голландию, Бельгию, Англию, Германию, Швейцарию и с конца июля 1830 г. снова обосновался в Италии¹. 22 сентября 1830 г. Соболевский писал С. П. Шевыреву в Рим: «...Ныне день моего рождения-с! Сколько вам лет, Серг<ей> Александрович? 27, идет 28-с! — 27-ми лет Наполеон завоевал Италию, а я-с ее объездил, се qui est un grand trait de ressemblance²» [Соболевский 1909: 489]. Через год после отъезда из России он уволился со службы³, прожил в Европе, преимущественно

---

¹ Хронология переездов Соболевского в 1829–1830 гг. на основании его дневниковых записей дана А. К. Виноградовым [Виноградов 1828: 17–19].

² что составляет черту большого сходства (*фр.*).

³ «Кстати: я получил отставку по болезни. О горе, горе! Уж я не в Архиве», — писал Соболевский 8 декабря 1829 г. Шевыреву [Соболевский 1909: 477].

в Италии, более четырех лет и вернулся в Петербург лишь в связи с материальными затруднениями и необходимостью решить наследственные вопросы.

Хотя Соболевский ранее не столько всерьез занимался литературой, сколько развлекался сочинительством, он ощущал себя в Европе вполне l'homme de lettres. В отношении современной европейской словесности его мнения отличались крайним скептицизмом. Он присутствовал в феврале 1830 г. в Париже на премьере «Эрнани» Виктора Гюго и знаменитой битве романтиков с классиками и, посылая С. П. Шевыреву экземпляр драмы, писал: «Почитай, мой милый, и подивись: то-то вздор, а стихи так и ершатся. В партере шесть представлений сряду всё сидели клеветы; если кто заикнется — хором: à la porte le sabaleur⁴. Подняли до небес! Зато в седьмое, как не посадил приятелей, так до того освистали, что автор пьесу на другой день вспять воротил в свой листо-склад (porte-feuille)» [Соболевский 1909: 478]. О собственных способностях Соболевский, напротив, имел явно преувеличенное представление. «...Все пишу прозу, да и прозу-то французскую, — сообщал он тому же С. П. Шевыреву 6 февраля 1830 г. — Хочется мне здесь грянуть какой-нибудь поэмой, а уж верно будет не хуже поэм нынешних божков литературы» [Там же].

На протяжении 1830 г. в письмах к Шевыреву Соболевский неоднократно упоминает некие «Записки», над которыми неустанно работает. «...Я оканчиваю мои Записки...», — сообщает он 10 августа 1830 г. одну из причин своей задержки в Турине [Там же: 485]. Из этого письма следует, в частности, что замысел Соболевского выходил за рамки путевых дневников и литературных путешествий. «Каковы французы! Чудо-малые в политике... — восклицал он, говоря о Июльской революции. — Жаль мне только своей славы; я было изготовил главу, в которой предсказываю все случившееся теперь: будет после ужина горчица» [Там же: 486]. «Пишу свои Записки, — повторял Соболевский и в следующем письме из Турина от 30 августа, — пишу по-французски об России...» [Там же: 487]. Наконец в письме от 22 сентября того же года раскрывается подлинный масштаб его литературного предприятия: «“Были и *небылицы*”: Записки русского путешественника (Dichtung und Wahrheit)», в четырех томах. «Я здесь неутомимо тружусь над этим, — уверяет Соболевский Шевырева. — Все написано, стоит лишь присесть, то есть просмотреть и переписать, и для сего куда бы хорошо мне съездить в Рим. Не знаю, позволят ли дела. Цель моя была представить impartialement⁵ картину нынешней Италии, в срав-

⁴ гнать интригана (фр.).

⁵ беспристрастно (фр.).

нении с ее блеском от 1200 до 1530 годов, в историях, повестях, описаниях; и под этой побасёночной одеждой выставить ее резким примером гнусности, зависимости внутренней и внешней, фактной и умственной... Потом в 4-й части слегка показать теперешнюю Францию, скуднейшую во сто крат природными материалами, богатейшую и могущественнейшую от свободы мыслить и изъяснять мысли. Жаль, что революция 1830-го года сбылась годом раньше; ибо если бы я успел тиснуть прежде, то имел бы впоследствии вес пророческий у нас на Руси» [Соболевский 1909: 487–488].

Пышное заглавие, данное Соболевским своему труду, содержит указания на три разные литературные образца. Первый, «Были и небылицы», название сатирико-полемических очерков Екатерины II, печатавшихся в 1783 г. в «Собеседнике любителей русского слова», акцентирует с одной стороны злободневность, с другой — своего рода игровое начало в «Записках» Соболевского. «Были и небылицы» — это форма, та «побасёночная одежда», смесь исторических и вымышленных сюжетов, в которую облакает свою художественную мысль автор. Мысль же эта, как видно из пояснений Соболевского, глубоко политическая — сравнение современной Италии, ничтожной, по мнению автора, и в политическом, и в гражданском отношении, с ее республиканским прошлым (Флорентийская республика⁶), с одной стороны, и с настоящим состоянием Франции (эпоха революции 1830 г.) — с другой, иначе говоря, сравнение разных образов правления в их цивилизационном и социальном аспектах.

Другим образцом Соболевскому должно было послужить автобиографическое сочинение Гёте «Поэзия и правда» (*“Dichtung und Wahrheit”*), три тома которого были изданы впервые соответственно в 1811, 1812 и 1814 гг.⁷, — мемуарная книга, где рассказ автора о своей жизни растворен в историческом очерке эпохи, в рассуждениях о ее общественных и культурных отношениях:

...я из своей частной жизни невольно передвинулся в обширный мир; выступили образы сотни замечательных людей, имевших на меня большее или меньшее влияние; необходимо было также особо принять во внимание громадные движения общей политической жизни, которые имели величайшее влияние на меня, как и на всю массу современников. Главная задача биографии в том именно,

---

⁶ Период «блеска» Италии, означенный Соболевским в письме к Шевыреву (с 1200 по 1530 г.), — это именно период существования Флорентийской республики, от объявления независимости городами Тосканы после смерти императора Священной Римской империи Генриха VI в 1197 г. до взятия Флоренции имперскими войсками Карла V в 1530 г.

⁷ Эти части были перепечатаны в собрании сочинений Гёте в 1818–1819 гг., а затем в 1829–1830 гг. Четвертый том, завершённый только в 1831 г., был опубликован посмертно в 1833 г.

по-видимому, и состоит, чтобы обрисовать человека в его отношениях к своему времени... [Гёте 1932–1949: IX, 23]

И, наконец, часть заглавия «Записки русского путешественника», очевидным образом отсылающая к карамзинским «Письмам русского путешественника», задает общую повествовательную модель. Соболевский, как и все хоть сколько-нибудь литературно искушенные читатели «Писем» Карамзина, не мог не чувствовать, что этот текст, формально представляющий собой рассказ автора о своих путевых впечатлениях, очевидно не укладывается в рамки биографического или мемуарного, но трансформирует реальные факты в соответствии с художественным замыслом автора. Эпитет «русский», сохраненный Соболевским в заглавии, должен был подчеркивать аналогию между автором «Былей и небылиц» и карамзинским путешественником — «наблюдателем, исключительно точно ориентированным в политической жизни его эпохи», «осведомленным и любознательным» [Лотман, Успенский 1987: 567, 564] и в то же время глядящим на европейские события несколько со стороны, и так же путешествующим по Европе во время революционных волнений.

От работы Соболевского над амбициозным замыслом «Былей и небылиц» не осталось никаких следов. Есть основания считать, что, несмотря на все заверения, Соболевский даже и не приступал к его реализации. Однако идея путевых записок в его сознании, несомненно, жила, о чем свидетельствуют несколько прозаических набросков того же времени, что и письма к Шевыреву с рассказом о замысле «Былей и небылиц». Наиболее ранним из них следует признать план, написанный до июля 1830 г., поскольку в нем еще не упоминается Милан, где Соболевский побывал позднее, чем в других местах Италии⁸.

План путешествия⁹

Историческое обозрение Италии.

Историческое обозрение живописи, особенно в Италии.¹⁰

- 1) Выезд из России. Варшава и Вена.
- 2) Первые горы. Первая Италия. Приезд в Венецию.
- 3) Венеция. Обзор à vol d'oiseau¹¹. Кофейная жизнь. Театры.
3 double)

⁸ Соболевский был в Милане в конце июля – августе 1830 г. на пути из Швейцарии.

⁹ Здесь и далее в тексте Соболевского сохранены авторские написания топонимов.

¹⁰ Первые две строки объединены по правому полю пометой: «особенная цифровка».

¹¹ с птичьего полета (фр.).

- 4) Болонья. — Aspect general d'arcades.¹² Галерея.
- 5) Флоренция физическая.
- 6) Флоренция моральная (т<о> е<сть> ученая, общественная и юридическая).
- 6 double) Valombrosa, Arezzo и Перужия.¹³
- 7) Сиена, Болсена и проч.
- 8) Рим à vol d'oiseau.
- 9) Форум и Капитолий наружный.
- 10) Ватикан и музей Капитолийский.
- 11) Рим моральный.
- 12) Gaeta и Неаполь à vol d'oiseau.
- 13) [Лазарони.] Правая сторона.¹⁴
- [14] Песту<м>]
- 14) Левая сторона.
- 15) Левая дальняя сторона (и Пестум).
- 16) ? Сицилия.
- 17) ? Калабрия [и Анкона].
- 18) [Фолиньо¹⁵] [Перужия] [<начато нрзб>] Римские окружности.
- 19) Терни, Фолиньо, Сполетто, Анкона, Синигалиа, Пезаро, Сан-Марино, Forli, Равенна.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 142–142 об.]

Спектр «путевой» литературы (*littérature viatique*) достаточно широк. План Соболевского предполагал совершенно определенный вид сочинений: что-то вроде авторского *guide de voyageur*, иначе говоря путеводитель, который основывается на личных наблюдениях и впечатлениях, но широко пополнен историческими, географическими, этнографическими и всякого иного рода фактическими сведениями. Однако написанный Соболевским в соответствии с этим планом повествовательный фрагмент не сохранил никакого собственно прагматического материала.

Отрывки из писем путешественника

.....

Я выехал из Вены в половине декабря; мы целый день неслись (сколько могут нестись в земле немецкой) по гладкой, низменной дороге. Сквозь ночной сон мне чудились горы, леса, замки, мне чужалось, что мы то опускаемся, то поднимаемся; я проснулся; солнце из-за скал тихо выходило. Ясный небосклон; дорога пылилась серебром; высокие, вкруть обтесанные горы, слегка посыпан-

¹² Общий облик аркад (*фр.*).

¹³ Пункт “6 double” вписан после того, как Перуджа была вычеркнута ниже, в пункте 18.

¹⁴ В этом и следующем пунктах речь идет о побережье в стороны от Неаполя.

¹⁵ Вписано и сразу вычеркнуто.

ные снегом, то совершенно голые, то устланные мохом и утыканные редкими елями постепенно раздвигались передо мною. Они прорезаны быстрою мелкою речкой, которая, только что перехлынывая через камни, широко и весело, все более и более стремится в их угрюмую среду; легкий лед покрывал ее только местами, вдоль берегов и между близких камней, а везде, где бег моей речки не загражден, она не давала ему укрепиться и без покрова катила свои разгульные волны.

Дорога, прекрасная шоссе, то бежит вдоль самых берегов, то, оставив сопутницу прихотливому ее бегу, чрез долго соединяется с нею, сокращая расстояние смелыми перегибами чрез самые горы, или пробирается улиткою вдоль крутых, таинственно мрачных их боков и висит живописно и страшно над далекодонными пропастями.

Вообразите, каково в горах было мне, покойному москвичу, привыкшему к непрерывной плоскости наших полей. Я не сводил взора с этой волшебной панорамы; чародей, добрый и досадный <sic> почтальон в огромных ботфортах и с трубкою в зубах, при каждом повороте, на каждом угле переменял великолепные картины, и грустное мое сердце радовалось этому снегу, этому льду, этой миниатюре зимы нашей, смешанной с чудною природой гористого иноземия.

Всё новые и новые зрелища. То видятся красные крыши над белыми домиками чистого, опрятного села, которое вначале было разбито по самому берегу шумного потока и, размножаясь более и более, стало подыматься по соседней горе. Въедешь туда: кривыми, тесными улицами проберешься на маленькую четвероугольную площадь, обстроенную каменными выбеленными домами под одну крышу. Тут все достопримечательности местечка, почта, ратуша, кофейный дом, очень часто *Buchhandlung*¹⁶ или *Leihbibliothek*¹⁷; везде чистота, *аккуратность*. Мужчины в серых куртках и штиблетах черного цвета с красными стрелками; женщины и девушки, всегда затянутые в плисовые корсетцы, в простых ситцевых платьях. Но нигде не увидишь висящего лоскута, не заметишь иноцветной заплаты. Войдешь в почтовый дом — простая посуда, до сияния вытертая, висит около большого очага; круглолицкие беловолосые дети не бегут путешественника; хозяева исполняют его требования без наглой, жадной услужливости, подают в чистой посуде хороший кофе или простые блюда: вкусный суп, сочное жаркое, вечные картофель и салат, форелей, жительниц горных источников, и чистое туземное вино.

Поедем далее, здесь роскошное озеро застлало (залило) огромную долину и в живописных берегах хранит всю воду, стекающую с окрестной страны; там, на самом краю скалы, смело взброшенной к небу и над тобою в орлиной высоте перевисшей, лепится древний многобашенный замок, вероятно, жилище духов и разбойников. Житель юга сравнит его с гнездом домовитой ласточки; наш брат москвитянин — с такими саночками, которые только задней половиной

---

¹⁶ книжная лавка (нем.).

¹⁷ кабинет для чтения (нем.).

стоят на высоте маслечной горы и при первом движении седока стрелою срынутся вниз.

Не стану говорить <о> привычках, нравах, характере и душевных свойствах жителей, о сравнительном богатстве и политической силе страны, где я прожил трое суток в коляске; довольствуйся только ее физиономией и суди сам с помощью Лафатера и Порты¹⁸; прибавлю только, что я не видал валяющегося пьянства, не слышал неприличий, не платил аптекарских счетов¹⁹. Те, кого мне удавалось расспрашивать, не бранили правительство, и я утвердился в прежнем своем мнении, что австрийское *у себя обеспечивает животную жизнь*. Заметь это и потом при случае не упрекай меня в противоречии.

. . . . .

Меня было утомило беспрестанно волшебное, непрерывная перемена прекрасного в прекраснейшее, мне хотелось совершенно иного, непохожего. Долгий, трехчастный изгиб перенес меня за горы, и я сквозь меловые скалы выехал в другой климат. Предо мною в беспредельном пространстве разостлана Ломбардия, и я спустился к ней сквозь виноградники, сквозь оливковые сады, заменившие с этой стороны уже наскучивших мне елей и сосен. Я взглянул на многие десятки верст вдаль и понял, как Аннибал, стоящий на Альпах, показывал Италию и дарил ею своих сподвижников. Теперь все иначе, и природа, и жители; выщекатуренные и выбеленные домики пропали, здесь они строены из странного смешения доски, необтесанных камней и кирпичей; все это связано крепким цементом, наследством здешней древности²⁰; жилища разбросаны между полей и садов, а если где соединены в села и местечки, то тем более выказывают свою нечистоту и запущение. Окна без рам закрываются на ночь глухими ставнями, открыты днем для натопления дома солнечными лучами. Едва одетые жители, счастливые нерадивцы, трудятся как можно менее делом, как можно более игрою и милым *far niente*²¹. Оборванные дети бегут за путешественником, кривляются и нараспев просят милостыни. Видимая беспечность здешних жителей в неизъяснимом противоречии с чудною обработанностью их садов, не говорю *полей*, ибо здесь каждое пространство пахотной земли об-

---

¹⁸ Имеются в виду И. К. Лафатер (Johann Caspar Lavater; 1741–1801), швейцарский писатель и богослов, автор «Физиогномических фрагментов» (“Phisiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe”, 1772–1778), где устанавливалось соответствие между интеллектуальным обликом человека и очертаниями его черепа, аба, характером его лицевых мускулов, и Дж. дела Порты (Giambattista della Porta; 1535–1615), итальянский врач, философ и драматург, автор сочинения «Человеческая физиогномика» (“De humana phisiognomonica”, 1586), от которого во многом отправлялся Лафатер.

¹⁹ Устойчивый фразеологизм — счет, в который включено много лишнего [Словарь 1984–2019: I, 84].

²⁰ Имеется в виду пуццолан (pozzolana) — местный итальянский грунт, относящийся к группе так называемых природных цементов, который использовался для строительства в Древнем Риме.

²¹ ничегонеделаньем (*ит.*).

несено каменной оградой, симметрически высажено деревьями, которые доставляют скудное отопление ежеосенним обрезыванием своих ветвей. Виноградные лозы, всюду виющиеся, то гирляндами их соединяют, то стелятся сеткою по тростниковым крышам, то живыми обоями покрывают стены домов и оград и снабжают хозяев светлым красным вином. Пашня между деревьев занята пшеном и кукурузой, предохранен<a> их тенью от солнца и удобряем<a>²² росую, которая обильнее собирается на их широкой зелени, чем в чистом поле. Между оград, между домов пробирается узкая дорога; встречаешь явление новое, доселе тебе неизвестное. Длинноухие чудовища плетутся лениво с перекинутыми на спине мешками, с оборванным седоком, который без узды и седла сидит у самого хвоста, беспрестанно понукает и бьет своего Пегаса и только на два пальца не достает земли босыми ногами. Иногда же хозяин идет за животным, а между мешок, корзинок и клеток с курами и утками сидит на каком-то стулечке хозяйка, плетет соломенные тесмы для шляпы и ест жареные каштаны, сытное лакомство всей Италии. Не воображайте себе, однако же, красавицы, с черными глазами, высокими бровями и с греческим носом. Здесь поселяне вообще не прекрасны и не имеют того огня, той выразительности взора, какие мы себе воображаем на юге. Мои замечания об этом подтвердил мой говорливый почталыон, который показался бы болтуном и не после степных немцев. Он толковал мне и про то, и про другое, вывел мне классификацию всех вин Италии с гастрономическими замечаниями о их свойствах и об относительном их вкусе к французским, спорил о Россини и Моцарте, о Лаблаше и Тамбурини²³ и напевал мотивы из “Nozze di Figaro” и “Semiramide”²⁴.

.....

Как не желать Венеции тому, кто читывал дурные романы, глубокого Бейрона и завлекательного Казанову? С каким нетерпением попал я из *Mestre* по морской зелени! Через час мы увидели дома, будто бы в куче плывущие по морю; подъехали, стали пробираться мудреными каналами и очутились в *Giudecca*.

Случалось ли тебе плыть от крепости к Зимнему дворцу? Перед тобою с двух сторон тянутся застроенные высокими домами набережные; с боков по правую руку пестреют флаги и снасти, раздаются песни и крики моряков; по левую видишь длинное строение военной больницы; сзади грозное зрелище Петропавловских твердынь. Всё это и в Венеции, когда подъезжаешь к *Piazzetta*. За тобою укрепление военного порта; по право — суда; по лево — строение *заканальной* части города; спереди Славянская набережная; вообрази только вместо нашего Адмиралтейства прекрасную, уютную площадку, составленную взаимным положением древнего, странно нарисованного Дворца дождей, боко-

²² В рукописи, соответственно, «предохранено» и «удобряемо».

²³ Л. Лаблаш (Luigi Lablache; 1794–1858) и А. Тамбурини (Antonio Tamburini; 1800–1876) — знаменитые итальянские оперные певцы, соответственно, бас и баритон.

²⁴ Речь идет об операх «Свадьба Фигаро» (1786) Моцарта и «Семирамида» (1823) Россини.

вой фасады <Дворца> цесарева наместника и величественной площади святого Марка.

Эта древняя чудная базилика только боком видна с берега; я побежал в нее, и всё русское, всё родное разыгралось во мне при этой византийской живописи, при этой богатой позолоте, при этом величественном колоссальном лике Спасителя, при этих знакомых буквах, его знаменующих!

Венеция при первом взгляде, в массе — запущенный Петербург, такой, каковым бы он сделался, если бы в нем не оставалось экипажей или если бы в нем вдоль каналов застроили улицы по самую воду. Пойдешь по церквям, монастырям и найдешь много московского, много напоминающего и древние наши соборы, и Грановитую нашу палату. Словом — русскому Венеция представит чудное слияние Голландии-Петербурга с Византией-Москвой.

.....

Я никогда и нигде не подвергался такому сильному припадку меланхолии, как в Венеции. Вечная тишина безжизненных, водных улиц, прерываемая редким вскриком встретившихся гондольеров, молчаливый ход этих длинных лодок, обитых черным сукном и будто бы нарочно устроенных для тайн²⁵ опасной любви и коварной злобы, ужасный холод комнат, более простуживаемых, чем нагреваемых колоссальными каминами, всё это гнало меня из дома; поплывешь по городу — дворец за дворцом, но окна выбиты и прикрыты ставнями, которые уже по большей части сгнилы, грозят падением и которых бедные хозяева не в состоянии заменить другими; пойдешь узенькими проходами на большую площадь, обнесенную аркадами, — лавки, находящиеся там, прежде стечение всемирного богатства, теперь пусты или заменены кофейными домами, где полумертвые посетители молчаливо пьют кофе и часто дремают до утра, боясь выронить словечко. — Здесь один предмет всеобщих разговоров — близкое открытие карнавала в переделанном заново театре “La Fenice”. Достать ложу или место на это первое представление есть дело государственное в городе, которого бытие этот карнавал. Теперь-то венецианцы вводят в действие всю прежнюю свою пролазчивость, делают заговоры на билет, как прежде делали на дома, и, несмотря на свою невольную бережливость, не жалеют червонцев.

.....

В день Рождества карнавал открылся концертом довольно неблистательным в зале Благородного собрания; на другой день все хлынуло в театр. За полчаса до представления всё было полно; я никак не мог продраться до своего места и из толпы любовался на великолепное зрелище прекрасно освещенной залы, на ложи, обсаженные здешними щеголихами, на прекрасные декорации. После первого акта посредственной оперы дали пластический балет; я говорю пластический, ибо здесь, как и во всей Италии, задняя часть сцены всегда занята толпой тишайших лиц, которые участвуют в действии главных живописной,

²⁵ До этого момента рукопись «Отрывков» представляет собой переписанный набело текст, продолжение сохранилось только в черновом автографе.

но вовсе излишней и часто сюжету не приличной пантомимой. Спектакль кончился вторым актом и веселым, детским шумом, который возбуждался в зале при ловлении нарочно пущенной в оную дюжины голубей. — Крики, рукоплескания, восторги продолжались более получаса и утихли совершенно только тогда, когда зала опустела.

Не удивляйтесь, холодные люди Севера, гордые сыны России, этим необузданным проявлениям ребяческой, минутной радости. Вам <ли>, победительные соотечественники, понять положение народа, который давно утратил прежде славное бытие свое, сделался ходячею монетою в государственных менах, обеднял, унился, и после хорошего отдыха подпал под власть чрез тысячу лет враждебного себе народа.

Я хвалил как-то австрийское правительство в самой Австрии, относительно к жизни просто физической; но в итальянских своих владениях оно совсем иначе. Эти несчастные страны, лишенные своих законов, не приобрели однако же мирного покровительства цесарева. Вена, кажется, не считает Ломбардию надежным достоянием и управляет ею не как помещик, с любовью упрочивающий имение своим внукам, а как жид-арендатор, который взял в годы разорять деревню у нерадивого барича и высасывает из нее всё, что может, не заботясь о будущем. Грабительство правителей, непрочность законов, беспрестанные монополии, притеснения торговли, соседство недавно расцветшего Триеста, — всё это измучило бедную Венецию.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 145–147 об.]

Несмотря на явную отсылку в заглавии «Отрывки» Соболевского не ориентированы на «Письма русского путешественника» Карамзина, а представляют собой вариацию устоявшейся к концу 1820-х гг. жанровой модели — журнального путевого очерка в эпистолярной форме, который, конечно, генетически был связан с карамзинскими «Письмами», но уже очень далеко разошелся с ними и в авторской интенции, и в интонации текста. Как свидетельствует рукопись, Соболевский «Отрывки...» недописал. Имеющуюся же у него «объективную» информацию о путешествии по Италии он выделил в отдельный французский текст, составленный во время пребывания Соболевского в Париже для кого-то из его парижских русских знакомых.

Itinéraire d'Italie pour un Russe impartial et économe

Remarques générales.

1) Si vous voyagez avec votre propre équipage vous gagnez de pouvoir vous étendre et de pouvoir vous arrêter à volonté dans quelques lieux d'une curiosité très secondaire, car les diligences et les voituriers ont ordinairement leurs repas et leurs

couchées disposés pour la commodité de l'observateur dans les endroits les plus dignes d'être vus.

2) Si vous voyagez avec les voitures publiques vous gagnez une grande économie sur la poste, vous n'êtes pas rançonné dans les auberges, les maîtres de poste ne vous fâchent pas ; puis l'immense avantage de voyager avec des gens de toutes classes (polis et propres en général), dont vous pouvez tirer des renseignements sur tous les genres de vie, sur l'administration des pays que vous traversez et même sur la vie privée et le caractère connu des principaux chefs.

3) Renoncez, mon cher compatriote, pendant tout votre voyage à manger délicatement; vous aurez à vous faire quelquefois des vins qui vous déplairont au premier abord ; quant au lits, ils sont en général propres et bien tenus ; les chambres d'un froid terrible pour nous autres.

4) Emportez le moins de choses possibles pour courir moins le risque d'être volé, pour ne pas vous donner un air de richesse parmi les aubergistes et les valet de place et pour pouvoir faire vos paquets le plus vite possible.

5) Voyez tous ce qu'il y a à voir et ne pensez jamais : je verrai cela en repassant ici, chose qui souvent n'arrive pas.

Introduction.

Comme il pourrait se faire que vous seriez *obligé* de revenir avec votre équipage et par la poste depuis Rome jusqu'à Paris et comme je suppose que vous avez vu Venise, je dispose en conséquence de votre itinéraire et au lieu de vous faire aller par Lyon, Turin et Gênes à Florence, je dispose votre feuille de route ainsi qu'il suit.

De Paris à Genève et de Genève par le Simplon à Milan. Choses à voir sur la route : la *Meillerie* de Jean-Jacques Rousseau. *Sion* et les goîtres des crétiens; la route du Simplon (c'est un chemin que je n'ai pas fait).

Milan. Voyez l'itinéraire pour les curiosités. Société plus hospitalière que dans tout le reste de l'Italie; dîners sans fin; très souvent Voronzoff; établis : la comtesse Samoïloff et le comte Lello <sic> ; beaucoup d'élégance et de luxe ; le Paris de l'Italie (tout cela par oui-dire unanime, vu que je n'y ai pas même été). — Excursions des lacs.

De Milan à Bologne par Plaisance, Parme et Modène. Parme — ville unique pour les Corrèges, très rares par tout ailleurs ; *Modène*, capitale des jésuites ; prenez quelques volumes de Voltaire ; on vous les y échangera, в силу цензурного устава, contre le même nombre de livres de piété. (Je n'ai pas fait ce chemin là ; donc — *oui-dires.*)

Bologne (ici commencent mes propres observations). Patrie des Caraches, régénérateurs de la peinture après Raphael ; grand nombre de tableaux de ces maîtres ; Université ; Mezzophanti qui parle 60 langues ; la Chartreuse à 1 lieue de la ville ; la meilleure société de l'Italie pour l'esprit et l'instruction ; première maison : marquis Zampieri.

Si l'on veut : une lettre pour le marquis Zappi, l<e plus> aimable²⁶ de lieu.

De Bologne à Florence. En voiturier pour 12 ou 15 francs, en 36 heurs de temps. Traversée des Apennins ; quelque maisons de plaisance du grand duc à voir. (Les voituriers sont des gens qui vont на долгих à raison de 80 verstes par jour. Ils partent de bonne heure, font rafraîchir leurs chevaux une heure dans la journée et s'arrêtent le soir pour dîner et coucher ; on fait toujours l'accord en sorte qu'ils vous fournissent le dîner et la chambre ; quant au déjeuner c'est à votre charge ; emportez donc toujours quelques choses avec vous.)

Florence. Hôtel de M<adam>e Imbert : 5 paolis par chambre et 5 paolis dîner à table d'hôte (le paoli à 56 centimes). Choses à voir : la Galerie, le Palais Pitti, le Dôme et un Cabinet unique d'anatomie en cire. Samedis chez le prince Borghèse, lundis chez lord Burghersh, qui est le plus charmant homme du monde ; spectacles chez Bombelles (amb<assade> d'Autri<che>). Mauvais opéra où on se voit chaque soir avant les sociétés ; beaucoup de grands et anciens attachements ; presque toutes les femmes à 2 maris.

De Florence allez à Sienne qui est à 80 verstes sur un des deux chemins qui conduisent à Rome ; je vous conseille d'y aller en excursion parce que :

1) *Sienne*, ville extrêmement remarquable pour sa cathédrale et comme berceau de la peinture, est le seul lieu à voir sur ce chemin-là, et que par conséquent je vous conseille de ne pas y repasser ;

2) pour pouvoir aller de Sienne à *Livourne* que vous ne reverrez pas, par *Volterra*, ville où aucun chemin ne passe et où vous trouvez une ville entière d'antiquités étrusques ;

3) pour aller de Livourne, où vous resterez 2 heures, à *Pise*, ville unique pour sa cathédrale, son Campo-Santo et son clocher ; le Campo-Santo surtout est au dessus de toute admiration par un beau clair de lune ;

4) en revenant de Pise à Florence vous vous donnez la liberté de pouvoir passer en revenant de Rome par Lucque, ville moins intéressante que Pise, mais toujours à voir.²⁷

De Florence en voiturier en 5 jours pour 56 francs (tout y compris) par Arezzo, Pérouse, Foligno, Spoleto, Terni et Narni à Rome. Pays magnifique ; petites villes extrêmement intéressantes ; cascade magnifique à Terni ; le lac de Trasimène ; un magnifique tableau de Rafael à Pérouse, patrie de Pérugin, son maître. (Le chemin de Florence à Rome par Sienne est le plus atroce pays du monde, inculte et arride ; notez cependant qu'il n'est ainsi que depuis Sienne jusqu'à Rome.)

Rome. — *Le prince Gagarin, la p<rincesse> Zénéïde.*

De Rome à Naples diligence en 24 heures pour 80 francs, le dîner y compris. Vous dînez à la Mola di Gaeta dont je préfère la vue à celle de Naples ; insistez pour qu'on dîne à la ville de Cicéron. Quittez la diligence à Capoue, à 2 postes de Naples ; voyez Capoue ; allez à Caserte, palais magnifique, et de Caserte à Naples en *barro-*

²⁶ В рукописи: l'aimable.

²⁷ A Florence : voiture 18 paolis ; domestique 6 à 7 par jour, 70 par mois. — Примеч. Соболевского.

chio, cabriolet qui va très vite et que je vous recommande particulièrement pour toutes vos excursions en Italie.

Naples. Dans la ville rien que le Musée²⁸ ; mais c'est beaucoup ; tout ce qui est église et palais est atroce. Auberge "de la Vittoria" ; dîner à l'auberge "Reale" pour environ 5 francs ; équipage — 3 ducati de Naples à 4 francs chaque. — Naples est intéressant pour ses excursions ; les voici.

Excursion à droite. Vous prenez par la grotte de Puisilippe pour aller à celle du Chien et au lac d'Agnano pour voir les bains d'étuves naturelles. En avançant vous arrivez à Pozzuoli où vous voyez les ruines d'un temple. De Pozzuoli en excursion par terre en cratère éteint, appelé Solfatara, et par eau jusqu'au Cap Mizène. En y allant vous vous faites suivre par terre par un couple d'ânes et vous débarquez pour voir l'Achéron, le Stix, les Champs Élysées, l'Averne, la Grotte de la Sybille, les bains de Néron et cent milles ruines insignifiantes, à moitié englouties par la mer. Le conseil de voir ce qu'il y a avant Pozzuoli, à Pozzuoli même et de faire l'excursion du cratère le soir, de coucher à Pozzuoli et de consacrer la journée après <au> reste²⁹. Partez donc de Naples le matin, dînez à Pozzuoli, courez, couchez y et partez le matin pour voir et pour revenir à Naples par le chemin du bord de la mer qui est autre de celui que vous avez suivi.

Excursion à gauche. Partez à midi, allez dîner à Portici où vous verrez les peintures antiques tirées d'Herculanum et le peu qui reste de ses antiquités souterraines. Revenu à Herculanum, couchez-vous pour vous lever à minuit et pour faire l'excursion du Vésuve. Redescendez à Portici et recouchez-vous. De là allez à Pompéia qui est sans aucun doute la chose la plus curieuse de ce bas monde, allez coucher à < >³⁰, célèbre par ses bains de mer. Partez le matin. Passez par Salerne, patrie de Tasse, et allez à Pestum où vous voyez 2 temples grecs de 3000 ans d'existence parfaitement conservés. En revenant visitez encore une fois Pompéia.

Excursions maritimes. A *Capri*, célèbre par le séjour de Tibère et les restes de ses bains et de son palais.

A *Ischia* où l'on va prendre les bains en été et où vous voyez une nature tout à fait exotique.

De Naples en Sicile sur le bateau à vapeur.

Remarquez qu'en général les choses tirées d'Herculanum, ville de second ordre, sont infiniment plus belles que celles de Pompéia ; et que le Forum de cette dernière vaut à lui seul les plus belles places de l'Europe, quoique les maisons de particuliers à Pompéia sont de misérables cabanes.

²⁸ Le Musée appelé *Studie* est l'endroit où on a rassemblé tout le produit des fouilles de Pompéia et d'Herculanum. — *Примеч. Соболевского.*

²⁹ В рукописи: le reste.

³⁰ Пропуск в рукописи.

*De Naples à Rome par le même chemin ou de Sicile à Ostia (port de Rome) par mer.
De Rome à Florence par Bologne, Ancone, Lorette etc. — C'est un chemin qu'il
vous sera facile de suivre, vu que le P<rince> Gagarine le fait très souvent. Je ne l'ai
pas fait et je n'en parle pas.*

De Florence à Genève par Lucque, Pietrasanta, Carrara, la Specchia.

[РО ИРЛИ. № 8977]

Перевод:

Итальянский маршрут для беспристрастного и бережливого русского путешественника

Общие замечания.

1) Если вы путешествуете в своем экипаже, вы располагаетесь в нем с удобством и можете остановиться, по своему желанию, в каких-то местах с второстепенными достопримечательностями, поскольку дилижансы и извозчики³¹ обычно, для удобства пассажиров, выбирают для еды и ночлега места, наиболее достойные обозрения.

2) Если вы пользуетесь общественными средствами передвижения, вы сильно экономите на смене лошадей, с вас не дерут втридорога на постоянных дворах, вам не досаждают почтовые служащие; прибавьте к этому преимущества совместного путешествия с представителями разных сословий (в массе своей вежливыми и опрятными), у которых вы можете выудить сведения относительно самых разных областей жизни, администрации страны, где вы находитесь, и даже относительно частной жизни и отличительных черт ее правителей.

3) Откажитесь, дорогой соотечественник, на все время вашего путешествия от изысканного стола; порой вы будете заказывать вино, которое вам поначалу не понравится; что касается постелей, они в целом хорошие и чистые; спальни же, для нашего брата, ужасно холодные.

4) Берите с собой как можно меньше вещей, чтобы избежать опасности быть обокраденным, чтобы не иметь вида богача в глазах хозяев и прислуги постоянных дворов и чтобы уметь как можно скорее улечься.

5) Осматривайте все, что только возможно, и никогда не думайте: это я посмотрю на возвратном пути, поскольку зачастую того может и не случиться.

Введение

Поскольку может случиться, что вы будете *вынуждены*, в собственном ли экипаже, на почтовых ли, из Рима возвращаться в Париж, и поскольку я предполагаю, что вы уже видели Венецию, я располагаю ваш маршрут соответству-

³¹ Имеются в виду ветурины (vetturino) — итальянские наемные кучеры с экипажем, у которых в плату за проезд, по договоренности, входила плата за ночлег, который обеспечивался ветурином, и за еду в трактирах, выбираемых ветурином.

ющим образом и вместо того, чтобы направить вас через Лион, Турин и Геную во Флоренцию, предлагаю вам следующий ниже путевой лист.

Из Парижа в Женеву и из Женевы, через Симплон, в Милан. По пути достойно внимания: *Мейри Жан-Жака Руссо*³². *Сьон* и зобы кретинов; Симплонская дорога (этим путем я не ездил).

Милан. О достопримечательностях осведомьтесь в гиде. Общество гостеприимнее, чем во всей остальной Италии; беспрестанные приемы; очень часто *Воронцов*³³; живущие постоянно: графиня *Самойлова*³⁴ и граф *Лелло*³⁵; много элегантности и роскоши; итальянский Париж (это всё по единогласной молве, поскольку сам я там не был). — Прогулки по озерам.

Из Милана в Болонью через Пьяченцу, Парму и Модену. Парма — город, единственный в своем роде, из-за *Корреджо*³⁶, которого редко где еще можно увидеть; *Модена*, столица иезуитов; возьмите с собой несколько томов *Вольтера*; вам обменяют их здесь, в силу цензурного устава, на то же число благочестивых книг. (Я этой дорогой не ездил; соответственно, — *по слухам*).

Болонья (здесь начинаются мои собственные наблюдения). Отечество *Карраччи*³⁷, возродивших живопись после *Рафаэля*; много картин этих мастеров; Университет; *Меццофанти*, говорящий на 60 языках³⁸; *Чертоза* в 1 лье от города; лучшее общество Италии в отношении ума и образованности; первый дом: маркиза *Сампьеры*³⁹.

Если угодно: письмо к маркизу *Дзаппи*, любезнейшему из местных.

Из Болоньи во Флоренцию. На извозчике от 12 до 15 франков, в 36 часов. Переезд через *Аппенины*; из достопримечательностей — несколько загородных вилл великого герцога⁴⁰. (Извозчики ездят *на долгих* из расчета 80 верст в день.

³² Городок в департаменте Верхняя Савойя на берегу озера Леман, который Руссо посетил в 1754 г. и описал в «Новой Элоизе».

³³ Граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков (1790–1854), в 1827–1831 г. русский посланник при Сардинском дворе в Турине.

³⁴ Графиня Юлия Павловна Самойлова (1803–1875), жившая в Милане с 1827 г.

³⁵ Так в рукописи. Можно осторожно предположить, что должен был бы иметься в виду граф Помпео Литта (*Pompeo Litta Biumi*; 1781–1852), историк, военный и политический деятель, один из представителей миланского аристократического рода Литта, владелец дворца в Милане.

³⁶ Соболевский, вероятно, имеет в виду фрески *Антонио Корреджо* (*Antonio Allegri da Correggio*; ок. 1489–1534) в монастыре Сан-Паоло, церкви Сан-Джованни Эванджелиста и соборе Пармы.

³⁷ Семья итальянских художников болонской школы — братья *Карраччи* (*Caracci*) *Аннибале* (1560–1609) и *Агостино* (1557–1602), а также их двоюродный брат *Лудовико* (1555–1619).

³⁸ Знаменитый полиглот кардинал *Джузеппе Гаспаро Меццофанти* (1774–1849).

³⁹ Речь идет о *Ф. Сампьеры* (*Francesco Sampieri*; 1790–1863), композиторе, почетном члене Болонской филармонической академии.

⁴⁰ Загородные виллы семейства *Медичи*, принадлежавшие австрийскому эрцгерцогу *Леопольду II* (1797–1870), с 1824 по 1859 г. великому герцогу Тосканы.

Они отправляются рано утром, дают часовой отдых лошадям днем и останавливаются вечером на ужин и ночлег; в их цену входят ужин и ночлег, обед — ваша забота, так что всегда имейте при себе что-нибудь.)

Флоренция. Гостиница мадам Имбер: 5 паоли комната и 5 паоли ужин за общим столом (паоли равен 56 сантимам). Смотреть: Галерею, Палаццо Питти, Собор и единственный в своем роде Восковой анатомический кабинет. Субботы у принца Боргезе⁴¹, понедельники у лорда Бургерша, милейшего человека в свете⁴²; спектакли у Бомбея⁴³ (австрийское посольство). Скверная опера, куда сходятся каждый вечер перед тем как отправиться в общество, много больших и давних связей; почти у всех женщин по 2 мужа.

Из Флоренции направляйтесь в *Сиену*, которая лежит в 80 верстах по одной из двух дорог, ведущих в Рим; советую посетить ее особо, потому что:

1) Сиена, город исключительно примечательный своим собором и как колыбель живописи, является единственной достопримечательностью на этой дороге, и, соответственно, я рекомендую не возвращаться по ней;

2) чтобы съездить из Сиены в Ливорно, который вы иначе не увидите, через Вольтерру, город, который не обойдет ни одна дорога и где вы найдете целый город этрусских древностей;

3) чтобы съездить из Ливорно, где вы проведете 2 часа, в Пизу, город, единственный в своем роде благодаря собору, Кампо-Санто и колокольне; Кампо-Санто в особенности выше всякого восхищения при ярком свете луны;

4) вернувшись из Пизы во Флоренцию, вам будет легко на обратном пути из Рима проехать через Лукку, город менее интересный, чем Пиза, но все же достойный внимания⁴⁴.

Из Флоренции с ветурином в 5 дней за 56 франков (все включено) через Ареццо, Перуджу, Фолиньо, Сполето, Терни и Нарни в Рим. Восхитительная страна; исключительно интересные городки; восхитительный водопад в Терни; Тразименское озеро; восхитительная картина Рафаэля в Перудже, родине Перуджино, его учителя⁴⁵. (Дорога из Флоренции в Рим через Сиену проходит по ужаснейшей в мире местности, невозделанной и сухой; заметьте, однако, что это касается только пути от Сиены до Рима.)

⁴¹ Камилло-Филиппе-Лодовико Боргезе (1775–1832), глава итальянского рода Боргезе, зять Наполеона, с 1818 г. живший во Флоренции.

⁴² Лорд Джон Фейн Бургерш, 11-й граф Уэстморлендский (1784–1859), в 1814–1830 английский посланник в Тоскане.

⁴³ Граф Шарль-Рене де Бомбель (1785–1856), французский подданный на австрийской службе, ставший в 1834 г. морганатическим супругом Марии-Луизы Австрийской, герцогини Пармской.

⁴⁴ Во Флоренции: экипаж 18 паоли; лакей от 6 до 7 в день, 70 в месяц. — *Примеч. Соболевского.*

⁴⁵ Перуджино (Пьетро ди Кристофоро Вануччи) (Perugino (Pietro di Cristoforo Vanucci); 1448–1523), итальянский живописец.

Рим. — Князь Гагарин⁴⁶, княгиня Зенеида⁴⁷.

Из Рима в Неаполь дилижансом в 24 часа за 80 франков, включая ужин. Вы ужинаете в Мола ди Гаэта, вид которого я предпочитаю виду Неаполя; настаивайте, чтобы остановиться на ужин в городе Цицерона⁴⁸. Сойдите с дилижанса в Капуе, за две почты до Неаполя; осмотрите Капую; поезжайте в Казерту, великолепный дворец, и из Казерты в Неаполь на *баррокьо*, в очень быстром кабrioлете, который я вам особенно рекомендую для ваших прогулок в Италии.

Неаполь. В городе только Музей⁴⁹; но это много; все, что называется дворцами и церквями, ужасно. Трактир «Виктория»; обед в «Альберго Реале» примерно за 5 франков; экипаж — 3 неаполитанских дуката по 4 франка каждый. — Неаполь интересен прогулками по окрестностям; вот они:

Прогулка в правую сторону. Вы отправляетесь от Позилиппского грота к Собачьей пещере и к озеру Аньяно, чтобы посмотреть природные парящие бани. Продвигаясь далее, вы приезжаете в Поццуоли, где осматриваете руины храма. Из Поццуоли прогулка по земле в кратер потухшего вулкана, называемому Сольфатара, и по воде — до Мизенского мыса. В этой поездке пусть вас сопровождает по берегу пара ослов, и вы сойдете на берег, чтобы видеть Ахерон, Стикс, Елисейские поля, Лаго Аверно, Грот Сивиллы, термы Нерона и сотню тысяч незначительных развалин, наполовину поглощенных морем. Совет посмотреть то, что находится перед Поццуоли, сам Поццуоли и прогуляться к кратеру вечером, ночевать в Поццуоли и посвятить остальному следующий день. Соответственно, отправляйтесь из Неаполя утром, ужинайте в Поццуоли, развезжайте, ночуйте там и отправляйтесь утром далее для осмотра и возвращения в Неаполь берегом — дорогой иной, чем вы приехали.

Прогулка в левую сторону. Отправляйтесь в полдень, ужинайте в Портичи, где вы увидите античные картины, найденные в Геркулануме и то немногое, что осталось от его подземных древностей. Возвращайтесь в Геркуланум, ложитесь спать, чтобы подняться в полночь и совершить прогулку на Везувий. Спускайтесь в Портичи и вновь укладывайтесь в постель. Оттуда следуйте в Помпеи, которые несомненно, есть примечательнейшая вещь в этом подлунном мире, отправляйтесь ночевать в < >, знаменитый своими морскими купаниями. Выезжайте утром. Следуйте через Салерно, родину Тасса, и направляйтесь в Пестум, где вы увидите два прекрасно сохранившихся греческих храма трехтысячелетней древности. На обратном пути еще раз посетите Помпеи.

⁴⁶ Князь Григорий Иванович Гагарин (1782–1837) — чрезвычайный посланник и полномочный министр российского дипломатического представительства в Риме.

⁴⁷ Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1789–1862), с 1829 г. жившая в Риме.

⁴⁸ Мола ди Гаэта — древнее и настоящее название Формиа. Около Мола ди Гаэта сохранились остатки дома, который считается домом, где умер Цицерон.

⁴⁹ Музей, называемый *Студии*, это место, где собрано все найденное при раскопках Помпей и Геркуланума. — *Примеч. Соболевского.*

Морские прогулки. *На Капри*, знаменитый пребыванием там Тиберия и остатками его терм и дворца.

На Искию, куда летом ездят для купаний и где вы найдете совершенно экзотическую природу.

Из Неаполя на Сицилию на пароходе.

Заметьте, что в целом вещи, найденные в Геркулануме, городе второстепенном, бесконечно более прекрасны вещей из Помпей; и что Форум последних один стоит самых красивых европейских площадей, при том что частные дома в Помпеях — жалкие хижины.

Из Неаполя в Рим той же дорогой или морем с Сицилии в Остию (римский порт).

Из Рима во Флоренцию через Болонью, Анкону, Лорето и т. д. — Этот путь вам легко будет сделать, поскольку им очень часто ездит князь Гагарин. Я им не ездил и о нем не говорю.

Из Флоренции в Женеву через Лукку, Пьетрасанта, Каррару и Специю.

Еще два сохранившиеся в бумагах Соболевского прозаических отрывка, посвященные Милану и Венеции, относятся, очевидно, к более позднему времени. Можно предположить, что, дав частные рекомендации по итальянской поездке, он отказался от мысли о последовательном и развернутом «путешествии» и решил ограничиться отдельными очерками, рассказывающими о личных впечатлениях и настроениях.

Милан

Среди этих обширных долин, которым взор только с одной стороны видит меловые пределы, лежит, далеко от рек и от гор, древний Милан. Вы только на полчаса езды от него, но он все еще скрыт от вас густым лесом; один только предмет вы видите — это многочисленные игривые, кружевные шпили его соборной церкви, которые, новы и белы, прорезывают темную лазурь ломбардского неба: туда, как к общему центру, к маяку в этой дальней долине, ведут многие и многие дороги. — Вы проехали чрез половину города; вы приехали к этому центру, к этому давно знакомому Duomo, и вас не поразила ни узость улиц, ни высота домов; вам везде напомнили, что хотя имя Милана древнее — но он сам новый; что он дважды был разорен до основания, срыт пугами; что он < >⁵⁰

Как лучше познакомиться с городом как не купить план одного и скорее взобраться на верхний его пункт. Пункт этот, крыша церкви, пред вами. 239 ступеней покойных привели вас на обширную площадь, уместованную широкими беломраморными плитами. Это крыша церкви.

⁵⁰ Пропущено место для двух строк.

После, после полюбуетесь этими бесчисленными переходами, балюстрадами, статуями, шпилями, этими фантастическими детьми шаловливой старины; подымайтесь еще и выходите скорее на балкон, опоясывающий купол.

Отсюда весь город, как на блюде. Около самой церкви тесная неправильно начертанная площадь; потом древний город, где улицы теснее, неправильнее, где дома многоэтажны. Этот город очерчен каналом, ныне питающим город, прежде защищавшим его. Смотрите далее: за рвом опять другой город, веселейший, новейший, опять обнесенный и валом, и рвом. Сквозь оба города из общего их центра ведут по всем направлениям главнейшие улицы. В первом, древнем, городе они излучистые, не прямые, выходят углами, ломаются закоулками. Так до рва; но за рвом иное; они там были прежде широкие дороги, обстроенные вилами. Когда же народу стало тесно в древних пределах, когда ему для простора отвели новый очерк, богатые превратили виллы в городские дома; эти городские дома сделались дворцами; и теперь эти улицы под именем *корсо* (гулянье, бег) красуются правильностью, шириной, светлостью. Из лежащего у ног ваших низкого собрания хижинки и домиков, усеянных зелеными садами и вымощенными площадями, торчит бездна церквей, но как эти часовни и их колокольни и башенки низки перед вами; и чувство высоты было бы в вас без мерила, если бы в туманной дали не равнялись с вами снежные горы Швейцарии, которые не унижают вас, но только напоминают, как могущ человек, когда он хочет и твердо хочет быть могущим.

Вы видели город в массах, в целом; сойдемте к нему; лишь внизу можем мы с ним короче познакомиться. Где бы вы ни жили, куда бы вы ни пробирались, — везде пред вами широкие плиты тротуаров; поехали вы — коляска катится по плитам же, которые по всем улицам между мелкой мостовой лежат лентами в четыре ряда, два в одно направление, два в другое; колеса экипажей катятся по гладкой, двойной лезвее, не стучат, не ломаются.

В старом городе вы идете между высокими домами в малое число окошек во много этажей. Если где и есть дворец, церковь, то вам, не будучи возможно отойти далеко, и не бросается в глаза его величие; вам негде разойтись, чтобы полюбоваться ими. Вижу лавки, галантерейная подле мелочной винной; модная подле съестной, часовая близ сапожной; везде работают у дверей, разговаривают, кричат, впускают каждого в сокровенность своей домашней жизни, в беззаботливость быта своего.

Люди высшего сословия одеты на покрой всей Европы; городская чернь — в лохмотьях, в обносках, во всем что попало; зажиточный народ, ремесленники, — это истинное туземство: женщины в немецком платье, без шляпок, с волосами, покрытыми черными вуалями; мужчины в темных куртках, в старомодных фраках, в башмаках с пряжками.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 143–144 об.]

Во фрагменте, озаглавленном «Венеция», при сравнении его с описанием города в «Отрывках из писем путешественника», особенно заметно увеличение субъективной составляющей.

Венеция

Наконец нас снарядили; среди требований на водку от неполучивших и проклятий от недовольных (всегда недовольных) полученным нас повели к лодке. Четыре водяные почтальона наперли на весла, ударили ими по волнам, и мы стали пробираться из канала, сквозь лодок и барок, в просторную лагуну, ибо так называется та узкая часть моря, которая отделяет самую Венецию от твердой земли и стеснена между островами и оплотами.

Берега хотя и близкие, но их силу видишь: они не обстроены, но обросли; море мелкое и дорога до Венеции уколочена сваями, которые в погоду ведут кормчего сквозь моря, как на нашем северном снеге вели <бы> ямщика в метель. Так едешь с полчаса; и окружающее уныние, и тишина приготавливают путника к меланхолии; он забывает самое свое любопытство, забывает, что он скоро в той Венеции, которая и в истории, и в романе, и в драме, и в рассказе столько раз его принимала на лоно свое; он забывается — и вот пред ним направо и налево ветхие домики, вот с ним встречаются гондолы, вот канал, где он плавает, все великолепнее и великолепнее, вот он под смелым мостом; этот мост — Риальто.

Я приехал в Венецию в неприязненное утро, в холодную погоду; меня отвезли в дворец у самого сего моста; этот дворец — трактир «Белого льва».

Сейчас отвели мне залу, обитую штофом, усадили меня в вызолоченные просторные кресла, близ мраморного камина, куда бы могло упрятаться целое семейство и где дымилось несколько лучинок. Пол — мраморный; окошки не затворяются; двери открываются сами собою; глядь из окошка: вместо мостовой — темно зеленая покойная влага, по которой пробираются быстро и безгласно мрачные лодки; ни поспешного топота коней, ни наезжающего издали и вдаль уносящегося шума колес, ни уличных песней, ни разговоров мимоидущей толпы; один редкий возглас встретившихся гондольеров.

Как мне сгрустнулось в моем запущенном дворце! Скорей гондолу! Вот и гондола, узкая, длинная лодка; на носу торчит, блистая, род топора, грозящего встречу; на середине выстроен низенький домик, обитый черным сукном или выкрашенный черною краской, окнами с двух сторон на воду, дверью к корме. Вы нагнули голову, склонились к двери, но-таки, сударь, так не войдете; обратитесь к ней спиною, присядьте и раком вползите в этот черный домик, где очутитесь на мягком или часто и жестком диване.

Мне там сделалось душно; я вылез тем же порядком, облокотился на крышу. Гондольер, стоящий на корме, греб то направо, то налево, но вел лодку плавно и быстро сквозь множество других, сворачивался по данному голосу, подавал предупредительный голос выезжающим из влажных переулков. Ку-

да? — К Святому Марку. Мы пустились вдоль большого канала, между мраморными дворцами разной архитектуры, сровненными, сближенными общим запущением, общей нелюдимостью. Везде окна забелены, если не выбиты, если не закрыты большею частью сгнившими, развалившимися ставнями, если не завешены мокрым бельем, которое сохнет в столовых и гостиных. Редко где у подъезда к мраморному столбу или медному кольцу привязана гондола, там, где их прежде столько привязывали. Редко⁵¹

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 148–149]

Преувеличивать литературные достоинства опытов Соболевского не приходится, даже принятый автором иронический тон не может скрыть безыскусность и некоторую «вымученность» повествования. Перебирая самые разные модели «путевой литературы», Соболевский никак не мог найти «свой» жанр. Однако мысль облечь в литературную форму свои итальянские впечатления его не оставляла. В ноябре 1835 г. О. С. Павлицева сообщала мужу в одном из писем: «Соболевский часто у нас бывает. Александр⁵² жить без него не может. Он очень любезный и оригинальный, но он не нравится женщинам большого света, он с ними не любезничает. Зато пишет свое путешествие стихами, очень смешно. Если бы не так много я тебе писала, я бы о нем поговорила» [Павлицева 1994: 130]. Через два месяца, 31 января 1836 г., она опять упоминала о стихах Соболевского: «Его стихотворное путешествие в Италию страсть как смешно» [Там же: 148].

Современные комментаторы ошибаются, указывая, что стихотворное путешествие Соболевского до нас не дошло (см.: [Там же: 149]). Отрывки из него даже появлялись в печати. В 1909 г. П. И. Бартенев в своих примечаниях к напечатанным Я. А. Орлей-Ошмянцем письмам Соболевского к Шевыреву привел, без заглавия, пять четверостиший, как он пишет, сохранившихся у него в памяти:

Теперь к странам Италии
Я опишу проезд.
Какие всё каналы
Живут в тебе, Триест!

В столице сей Иллирии,
Лет пять тому назад,
Мучительные чирии
Покрыли весь мой зад... и т. д.

[Соболевский 1909: 505]

⁵¹ На этом текст обрывается.

⁵² Имеется в виду А. С. Пушкин.

Этот же текст, несомненно, имел в виду и друг Соболевского И. С. Мальцев, писавший Соболевскому 3 марта 1844 г., когда узнал, что тот отправляется в третье заграничное путешествие и снова планирует посетить Италию⁵³:

Поздравляю тебя, любезный друг, с благополучным выездом из Петербурга... Ты избрал маршрутом Чайльд-Гарольда:

В столице же Иллирии
Он был весьма не рад,
Когда лихие чирии
Его покрыли зад.

Надеюсь, что для отвращения подобной неприятности ты, приступая ко 2-му изданию сентиментального путешествия, принял надлежащие предостерегательные средства...

[Мальцев 1904: 180–181]

В составе уже одиннадцати строф текст вошел в издание В. В. Каллаша (см.: [Соболевский 1912: 56–57]). Здесь он напечатан по некоему неконкретизированному «рукописному сборнику» под общим заглавием «Путевые впечатления» со стихотворением «Мне Мюнхен памятен навеки...», имеющим авторскую датировку «1861». Таким образом, итальянское стихотворение выпало из своего хронологического контекста. Впрочем, в примечаниях В. В. Каллаш соотносит это стихотворение с пребыванием Соболевского в Италии в 1830-х гг.⁵⁴ и называет его, несомненно ориентируясь на цитируемое выше письмо Мальцева, «Сентиментальным путешествием».

Наиболее пространный текст дает не появлявшаяся до настоящего времени в печати рукопись из черновых бумаг Соболевского:

**Русский Чайльд-Харальд
(Посвящено тени Байрона)**

Отсель в страны Италии
Хочу воспеть поезд.
Какие всё каналы
Живут в тебе, Триест!

В столице сей Иллирии
Пять лет тому назад
Мучительные чирии
Покрыли весь мой зад.

⁵³ Во время второго заграничного путешествия (август 1836 – июль 1837) Соболевский в Италии не был.

⁵⁴ Несомненно, именно на этом указании Каллаша основана редакторская дата «1830» (как видим, неточная) в современном издании [Соболевский 1991: 124].

Желающий лечения
Я сел на пароход
И потерпел мучение
Соседственных блевот.

Несносные мучения!
От рвоты страшный смрад,
Их хуже испражнения
Не испускает зад.

Мы прибыли к Венеции,
Нас взяли в лазарет
И разные жгли специи —
Таков был там декрет.

Недурен храмик Маркуса.
Читали мы в «Молве»:
Поставлен он в честь Маркуса,
Что доктором в Москве⁵⁵.

Доволен я «Европою» —
Прекрасен сей трактир⁵⁶.
Хозяйка с толстой жопою
Нам ставила клистир.

За то, что арсенальские
Мы устрицы глотав,
Я за table d'hôte канальские
Пускал и *пиф* и *паф*.

Открыла нам история,
Что некий славный дож,
Андрей иль Пьетро Дория,
От устриц делал тож.

И что за наслаждение:
Я только что на таз —
Из гондол льется пение
Твоих октав, о Тасс!

---

⁵⁵ Имеется в виду известный московский врач Михаил Антонович Маркус (1790–1865), с 1825 г. главный врач Голицынской больницы в Москве, с 1834 г. — врач великой княгини Елены Павловны; обладатель французской медицинской Монтионовской премии, лейб-хирург.

⁵⁶ Название трактира поставлено здесь, скорее всего, для рифмы: в свои приезды в Венецию Соболевский, судя по всему, обычно останавливался в трактире «Белого льва», упоминаемом им в приведенном выше прозаическом отрывке [см.: Соболевский 1909: 505–506].

Однако ж мне поэзии
 Полезней в этот раз
 Прием бы был магнезии
 По ложке через час.

Как древле флаг республики
 На море гарцевал,
 Уписывая бублики,
 О том я вспоминал.

О времена великие!
 Исчез твой блеск, Сенат,
 И ныне ждет патрикия
 Иль палка, иль канат.

Не всё сидел за книгою,
 Не всё я размышлял,
 С графиней Моченигою
 Под ручку я гулял.

Пленял своими курами
 Я тамошних красот,
 И венчан был амурами
 Разов до пятисот.

Бывало, лишь понравиться
 Красотке молодой —
 В гондоле с ней отправишься,
 Лелеемый волной.

Гондола закачается
 На ухарский манер,
 Лукаво улыбается
 Поющий гондольер.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 159–160 об.]

«В одной Италии люди довольно дети, чтобы радоваться радости и тешиться прекрасным от сердца. Вне Италии всё Чайльд-Гарольды...», — писал Соболевский Шевыреву 10 августа 1830 г. [Соболевский 1909: 485]. В своем новом варианте путешествия автор примеряет на себя именно этот литературный образ, вполне, впрочем, уместный в рассказе о Венеции: четвертая песнь знаменитой поэмы Байрона начинается с посещения героем Венеции и описания ее былой славы и нынешнего запустения.

Сохранились также стихотворные «заготовки» для дальнейшего путешествия. На этот раз речь идет о посещении Феррары:

Couplets provisoires⁵⁷

Несомы чалой парюю
По новому шоссе,
Предстали пред Феррарюю
Мы невредимы все.

У врат Чивита Веккия
Гуляю я сам-друг.
В пол-голос люди некие
Мне шепчут < >⁵⁸

В веселой мы компании:
Британский Чайльд Гарольд
И раненный в Испании
Майор à demi-solde⁵⁹.

Там с женщиной брюхатою
Женевский гражданин.
Ей воду с грамолатою⁶⁰
Подносит капуцин.

Затасканный инфолио
Профессор разбирал,
И рюмочкой розолио⁶¹
Он мысли освежал.

В углу я вижу хватика
Совсем уж под-шефе,
С стаканом алеатико
Лежит он на софе.

Построен замок д'Естами
Пред ним вонючий ров.
Нас накормили тестами
Различнейших родов.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 158 об.]

⁵⁷ «Вздорные куплеты» (*фр.*). Название, отсылающее к практике сочинений оперных либретто. Имеются в виду импровизированные тексты, на профессиональном языке также называвшиеся «монстрами» (*monstres*), не имеющие особого смысла и композиционной завершенности (то есть содержащие всякий вздор) и предназначенные лишь в помощь композитору, для подбора мелодии (см., например: [Murger 1872: 18–19; Dufresne 1992: 187]).

⁵⁸ Незавершенный стих в рукописи.

⁵⁹ в отставке (*фр.*).

⁶⁰ Грамолата (*gramolata*) — кофейный или фруктовый сироп с добавлением мяты, смешанный с колотым льдом.

⁶¹ Розольо (*rosoglio*) — итальянская розовая водка.

Трансформация замысла путевых записок Соболевского, от грандиозных “*Dichtung und Wahrheit*” до веселых стихотворных куплетов, больше всего напоминает творческие поиски пушкинского героя — автора «Истории села Горюхина» Ивана Петровича Белкина:

...Я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из отечественной истории. Недолго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за дело. <...> ...поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию «Рюрик». Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада мне как-то не давалась. Наконец вдохновение озарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портрету Рюрика.

[Пушкин 1937–1959: VIII, 131]

Куплеты Соболевского, явившись результатом последовательной редукции замысла «Записок», тем не менее в редуцированном же виде сохранили «зерна» всех предшествующих его этапов. В них нашлось место и противопоставлению между былым величием Италии и ее нынешним политическим ничтожеством (строфы «Как древле флаг республики...» и «О времена великие!...»), и историческим сведениям (имена Андреа и Пьетро Дориа, впрочем на самом деле бывших не венецианскими дожами, а генуэзскими адмиралами⁶²), и достопримечательностям (собор Св. Марка в Венеции, замок герцогов д'Эсте в Ферраре), и впечатлениям путешественника, и происшествиям, случившимся с ним по ходу пути (венецианский карантин, гастрономическое увлечение устрицами, любовные интриги). Именно биографический субстрат куплетов, который легко спроецировать на реальные письма Соболевского этого времени, делает их настоящими путевыми записками в стихах. Так, например, 28 марта 1832 г. в очередной приезд в Венецию Соболевский писал Шевыреву: «Мы обитаем уже 10 дней здесь, кушаем устрицы и смотрим картины: всё эстетические занятия» [Соболевский 1909: 505]. Из письма в письмо Соболевский ведет тему своих любовных побед (видимо, несколько преувеличивая их масштаб, как он склонен был преувеличивать и значимость своих литературных трудов). 20 февраля 1832 г. он объясняет Шевыреву свое краткое пребывание в Турине тем, что его «*la giolosa dei mariti*⁶³ жестоко турила» [Там же: 503]. 24 июля 1832 г. сообщает о намерении пожить некоторое время в Виченце — «за-

⁶² Andrea Doria (1466–1560), Pietro Doria (ум. 1380), последний даже воевал против Венеции и упоминается Байроном как ее противник в венецианских строфах четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда».

⁶³ ревность мужей (*ит.*).

ниматься высокой целью моей жизни: делать рога итальянцам» [Соболевский 1909: 506]. В следующем письме от 10 августа того же года, размышляя о возвращении в Россию, замечает: «Боюсь от моего отъезда одного, да и того для Италии: наводнения от женских слез» [Там же]. Куплеты и письма связаны единым авторским образом — начитанного и живо всем интересующегося «русского европейца», литератора-dilettanti, хвастуна, выдумщика, сердцееда, и в общем совершенно обаятельного человека.

Неизвестно, написал ли Соболевский что-то еще, кроме двух известных нам стихотворений. Первые стихи венецианских строф («Отсель к странам Италии / Хочу воспеть проезд...») вроде бы предполагают существование начала, рассказывающего о пути из Вены до Триеста. Заметим также, что заглавие «Русский Чайльд-Харальд» относится только к венецианскому фрагменту. В окружении Соболевского, как можно заключить из письма Мальцева, сочинение ходило под именем «Сентиментального путешествия», которое, минуя карамзинские «Письма русского путешественника», отсылает непосредственно к «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии» (1768) Л. Стерна и к стерновскому «чувствительному путешественнику», предпринявшему путешествие вследствие *besoin de voyage*. Карамзин отчасти наследовал введенный Стерном прием разрушения иерархии высокого и низкого, важного и неважного, но автоирония, пронизывающая стерновский текст и в целом Карамзину чуждая, действительно, делала для Соболевского «Сентиментальное путешествие» более релевантным образцом. Переход Соболевского к форме стихотворного путешествия, таким образом, сопровождался очередной сменой литературных моделей, тем более радикальной, что в данном случае эти модели теряли роль нарративного ориентира текста и становились предметом иронии и пародической интерпретации. В этом смысле итальянские куплеты Соболевского несли в себе значительный элемент также и автопародии — пародии всего изначального замысла, и «Былей и небылиц», и «Писем путешественника».

Здесь, как нам представляется, заключено основное отличие куплетов Соболевского от тех шуточных стихотворных путешествий, которые, на первый взгляд, можно было бы в историко-литературной перспективе ставить с ними в один ряд, — в первую очередь от «Путешествия Н. Н. в Париж и Лондон, писанного за три дня до путешествия» (1804–1805)⁶⁴

---

⁶⁴ Датирующее указание в заглавии «за три дня до путешествия» является мистификацией, поэма Дмитриева написана после публикации в 1803 г. в «Вестнике Европы» двух един-

И. И. Дмитриева и от более поздних «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границую, дан лэтранже» (1840–1844) И. П. Мятлева.

Поводом к созданию маленькой поэмы Дмитриева послужила поездка В. Л. Пушкина в Германию, Францию и Англию в 1803–1804 гг. В. Л. Пушкин строил свой европейский вояж с оглядкой на «Письма русского путешественника» Карамзина, пользовался ими как путеводителем, старался следовать карамзинскому маршруту и, видимо, имел в планах создание своего эпистолярного путешествия. И все же предметом иронии Дмитриева был конкретный Василий Львович Пушкин, а не абстрактный сентиментальный путешественник à la Карамзин. Поэма написана от лица Василия Львовича и пародирует как его манеру рассказа, так и определенные черты его личности — восторженность, простодушное восхищение, детское тщеславие. По мнению Пушкина, «весь» его дядя был «с удивительной точностью» изображен в этой «веселой, незлобной шутке» [Пушкин 1937–1959: XII, 93], ничуть, кстати, не обидевшей адресата.

Мятлев, напротив, смеялся не над конкретным лицом, а решал задачу создания литературной маски, служившей своего рода фокусом для разнонаправленной пародии и иронии, объектом которых становятся то провинциальное русское сознание в лице его носительницы — тамбовской помещицы Курдюковой, то имеющиеся у «тамбовских помещиц» представления о Европе, то сама европейская жизнь с ее общественными институтами, то, наконец, «макаронический» французско-тамбовский язык. При этом и у Мятлева, и у Дмитриева объект иронии внеположен тексту. Соболевский же ироничен по отношению к самому способу порождения литературной формы в контексте соответствующих жанровых моделей.

Принадлежащий к поэтике «материально-телесного низа» (М. М. Бахтин), мотив «отдачи долга природе» всегда был одним из наиболее действенных факторов самого разного рода травестийной игры⁶⁵. В образе спешащего «на таз» автора итальянских куплетов пародически травестированы обе принятые им на себя литературные роли — байронического странника и «чувствительного путешественника». И хотя, в отличие от

ственных известных путевых писем В. Л. Пушкина к Карамзину и после возвращения Василия Львовича (см.: [Степанов 1983]).

⁶⁵ Говоря о ближайшем литературном окружении Соболевского, можно, например, указать на Пушкина, в стихотворении которого «Ты и я» мотивы испражнений и несварения желудка служат пародийному снижению высокой элегической темы «бедного поэта» [см.: Вацуро 1999: 150–158]. С Пушкиным по возвращении из-за границы Соболевский очень тесно общался, и очень вероятно, кстати, что Пушкин как-то был причастен к замыслу его стихотворного путешествия.

пушкинского И. П. Белкина, автора «Истории села Горюхина», Соболевский так и не смог «благополучно окончить» своего путешествия по Италии, он смог определить наиболее свойственный его таланту литературный род. Именно в этом роде был создан четверть века спустя его признанный литературный шедевр — упомянутые выше «Путевые впечатления» 1861 г., печатаемые ниже по автографу из бумаг Соболевского⁶⁶:

Мюнхен

Мне Мюнхен памятен навеки,
Науки и искусств притон!
Сокровищами библьотеки
Я удивлен, я восхищен.
Старопечатных... Но мне трудно,
Шалит капризный мой живот,
И на чердак меня на судно
Отвел задобренный кустод.

Оттоль иду к Пинакотеке,
Сюда любители картин
Приходят, как приходит к Мекке
На богомолье мозлеин⁶⁷.
Мурильо!.. снова испражниться
Мне надобно; кляня судьбу,
По лестнице спешу спуститься
(Здесь Abtritt⁶⁸ сделан в погребу).

Вот, наконец, и Глиптотека,
Ваяния изящный храм!
Как придал гений человека
Божественность самим богам!
Как мрамор иль металл покорно
Им претворен в людскую плоть,
Дабы в плоти той рукотворной
Бесплотный зрелся нам Господь.

Дабы герой, философ, в самой...
Опять зовет, и не слегка;
Гляжу и семо, и овамо —

⁶⁶ Впервые напечатаны В. В. Каллашем по неизвестному в настоящее время списку (см.: [Соболевский 1912: 54–55]).

⁶⁷ Мусульманин; см. устаревшие формы: мослеман, мослем [Словарь 1984–2019: XIII, 80]; нем. Moslem.

⁶⁸ отхожее место (нем.).

Ни погреба, ни чердака!
 А в брюхе трубы и литавры!!!
 Куда бежать? Вот сад! В саду,
 Где так тенисты мирт и лавры,
 Приют под кустиком найду!!!

1861. В вагоне.

[РО ИРЛИ. № 23498. Л. 191]

Литература

Вацуро 1999: Вацуро В. Э. Продолжение спора: (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Звезда. 1999. № 6. С. 142–159.

Виноградов 1828: Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М.: Моск. худож. изд-во, 1928.

Гёте 1932–1949: Гёте. Собр. соч.: В 13 т. Юбилейное изд. М.; Л., 1932–1949.

Лотман, Успенский 1987: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525–606.

Мальцев 1904: Выписки из писем И. С. Мальцова к С. А. Соболевскому / С предисл. и примеч. Я. П. Барсукова // Старина и новизна. СПб., 1904. Кн. 7. С. 157–199.

Павлицева 1994: Мир Пушкина: Т. 2. Письма О. С. Павлицевой к мужу и к отцу. 1831–1837. СПб., 1994.

Пушкин 1937–1959: Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Т. 17: Справочный.

Словарь 1984–2019: Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука, 1992–2019. Вып. 7–22 (издание продолжается).

Соболевский 1909: Выдержки из заграничных писем С. А. Соболевского к С. П. Шевыреву (1829–1833) // Русский архив. 1909. Т. 2. № 7. С. 475–511.

Соболевский 1912: Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты. М., 1912.

Соболевский 1991: Соболевский С. А. Мильон сочувствий. Эпиграммы. М.: Книга, 1991.

Степанов 1983: Степанов В. П. Заметки о В. А. Пушкине. 1. Автограф «Путешествия NN в Париж и Лондон» И. И. Дмитриева // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. С. 250–262.

Dufresne 1992: Dufresne C. Jacques Offenbach, ou La gaieté parisienne. Paris : Critérium, 1992.

Murger 1872: Murger H. Scènes de la vie de Bohème. Paris, 1872.